

Вместо Андриюхи мог быть я

Слушать Павла легко и трудно одновременно. Легко, ибо по своей натуре человек он добрый. Трудно, потому что начинаешь в полной мере осознавать весь ужас, который пережили наши парни, попавшие в самое пекло афганской войны — Асадабад.

—Павел, вы проходили срочную службу в армейском спецназе. Серьезная была подготовка, прежде чем вас отправили в Афганистан?

—Когда меня забрали в армию, нас, гомельских парней, разделили на две группы и отправили в учебки спецназа: одну — в Марьину Горку, вторую — в Печоры. Я попал в Печоры. Готовили более чем серьезно. Надо было в жару пробежать в одну сторону 6 километров в противогазе и с грузом, там выполнить упражнение

разведчика: поднимается часовой-муляж, за пять секунд надо его сбить, затем сбить поднимающуюся телекамеру и еще две движущиеся мишени. Очень тяжело было. Если все выполнил, назад бежишь без противогаза. Помню, когда снимал его, ощущения были круче, чем от секса. Если же не сбивал часового, а это самая главная фигура, — получай два балла со всеми вытекающими отсюда последствиями. Назад придется ползти по-пластунски, бежать в противогазе, пройти «лестницу смерти», ну короче, муки адские. Сержант говорил нам: «Хлопцы, вы на меня не обижайтесь, я сам в вашей шкуре был. Вот попадете в Афган, будете потом спасибо говорить». Увидел бы сейчас этого парня — расцеловал! После Печор нашу группу направили в Марьину Горку, где был сформирован батальон. Потом была горяя

подготовка в Чирчике под Ташкентом, потом — Термез, и оттуда в ночь с 17 на 18 марта 1985 года мы пересекли границу и попали в Асадабад.

—Ваших ребят там много погибло?

—За 13 месяцев 2 недели и 2 дня, которые мы служили, — 71 человек... А всего в батальоне 104 погибших.

—А в плен попадал кто-то?

—Спецназ не сдается. Идешь на войну, берешь четыре гранаты: три — для боевых операций, одну для себя. В случае чего, ребята взрывали ее у себя под мышкой, чтобы по лицу их можно было потом опознать...

—Это установка такая была?

—Нет, не установка. Если душманы вычислят, что ты спецназовец, издевались вовсю. Лучше мгновенная смерть.

—Первый бой запомнился?

—Это был кошмар, который никогда не сотрешь из памяти. Больше 30 наших ребят из 1-й роты погибли. Они вышли на задание в кишлак Сангам, расположенный в начале Мараварского ущелья, что в 10 километрах от границы с Пакистаном. В глубине ущелья их начали преследовать моджахеды. 2-я рота и наша 3-я их должны были прикрывать. Противник уже заблокировал ущелье, там была засада, и мы ничего не могли сделать. 17 спецназовцев подорвали себя сами, чтобы не сдать моджахедам. Семеро солдат, державших оборону за дувалом, договорились между собой подорваться на mine, когда у них закончились боеприпасы. Представляете? Они договорились,

как будут умирать. Киевлянин Славик Марченко держал в руках мину, остальные пацаны сели вокруг него, прижавшись спинами, как цветок. Кто-то из них успел на стене дувала нацарапать: «Пацаны, передайте на Родину, мы умираем героями».

Наши ребята, которые видели этот участок боя, рассказывали потом: за большим валуном один пацан отдухов отбивался. Причем это были не просто духи, а «черные аисты», пакистанские наемники, которые отличались особым изуверством. Они шли в полный рост, обкуренные наркотой. И вот наш пацан, для которого это был первый в жизни бой, сначала отстреливался, потом стал бросать гранаты. Затем у него оторвало выстрелом из гранатомета кисть руки, и он упал. Прошло несколько секунд, и снова от него полетели гранаты: он бросал их уже левой рукой, выдергивая кольцо зубами. Потом вообще произошло что-то из области нереального: он встал, выпрямился во весь рост и пошел на «черных аистов», его качало из стороны в сторону, но он упорно шел. Когда на него набросились, он взорвал себя гранатой. Это был первый и последний бой для наших пацанов.

—Жутко...

—Жутко было и потом, когда два дня собирали тела. Опознать пацанов было невозможно, тела распухшие, черные. Моджахеды вспарывали им сухожилия, резали животы, снимали скальпы, поливали маслом и поджигали. Опознавали по татуировкам, которые ребята сделали себе до этого. Тогда не у всех было желание делать себе наколки, говорили, зачем это надо? Но после Маравар стали делать все поголовно.

–Когда я была в музее в Марьиной Горке, там рассказывали, как прапорщик переживал, что не выдал ребятам из 1 -й роты сигареты, сгущенку и тушенку. Хотел как лучше. Думал, сходят в горы туда и обратно, вернуться, а я их тут порадую после первой войны. А они не вернулись. Потом он много лет страдал, что они не съели этого. Мучался страшно, ночами спать не мог...

–Мы все были выбиты из колеи после того боя. Тогда быстро сменили командование. И вот тут к нам пришел комбат Быков. Золото, а не человек. Мы его уважали очень. Настоящий мужик был. За полгода наш отряд очистил зону ответственности от духов, и они уже там не появлялись. Мы стали ходить на войну все дальше и дальше.

–Павел, вы осознавали тогда в полной мере, что ваша жизнь висит на волоске, что в любой момент она может оборваться?

Нас, асадабадцев, так и называли тогда — смертнички. Раньше я особенно не задумывался над этим. Мы уезжали куда-нибудь под Джелалабад, дислоцировались там, жили в БТРах, недели две воевали, делая по три-четыре выхода, потом возвращались к себе в Асадабад. Перед каждым отъездом выходили жены советников нас провожать. И я думал тогда: чего они стоят постоянно? Позже дошло: в редких случаях все возвращались со спецопераций целыми, обязательно кто-нибудь погибал или получал ранение...

На той войне я мог четыре раза погибнуть. Постоянно думаю о том, что мой друг Андрюха Селезнев погиб, а я должен был быть на его месте. Мы шли с ним к кишлаку. Он был снайпер и по походному порядку

должен был идти впереди меня. А он сзади идет. Я ему говорю: «Андрей, ты должен идти впереди». Он мне: «Подожди, Бульба (так меня ребята звали), не спеши, потом». И вот мы подошли к кишлаку, к дувалам, Игорь Курмашев перелез, потом я. Смотрим — нет Андрюхи, глянули вниз — лежит. Если бы он шел впереди, пуля в меня бы попала. Я потом в честь друга сына Андреем назвал. В прошлом году мы с ним ездили в Иваново на могилку Андрюхи.

На той же войне, когда мы оставили Андрея с санинструктором и стали продвигаться дальше вдоль стенки, две пули пролетели вблизи от моего колена, оставив два синяка, какой-то сантиметр — и нога бы вдребезги. Когда мы несли погибшего Андрюху на вертушку (*вертолет* – прим. автора), моему соседу Сергею Ключко сбивает мушку на автомате, пробивает фляжку с водой, мы бежим с носилками и на ходу пьем воду, потому что каждая капля там имеет цену, подбегаем к вертушке. Буквально метрах в 15 с гранатомета по нам палят, не попадают. Мы Андрюху — в вертушку, забираемся туда сами, вертушка поднимается, и уже внутри нее ранение получает еще один солдат. Такая была война.

– Почему вы все время говорите “когда мы ходили на войну”, Павел? Вы ведь постоянно были на войне...

– Так спецназовцы называли боевой выход. Все остальные обычно говорили «боевая операция». Приезжаем в другие части, спрашиваем: часто вам приходится на войну ходить? Они: часто, в месяц раз-два точно. А мы в неделю по два-три раза ходили. Еще в начале и середине службы — вроде романтика, но ближе к

дембелю неохота было помирать. Командование ставит задачу, и волосы на голове дыбом встают. С каждой войной все хуже и хуже... Сначала мы воевали против 15 — 20 духов. А потом уже приходилось воевать с большими бандформированиями, в которых было по 100 — 150 моджахедов.

– Вы подсчитывали количество войн, на которых лично вам пришлось побывать?

– Приблизительно подсчитал. 42 войны. Это при том, что я после ранения отлежал в госпитале 50 суток и еще на 45 суток после этого должны были отпуск дать с выездом на родину, но не дали, и я лежал в санчасти, малярию там еще подхватил. Пробыл суток 20, не выдержал — мужики воюют, а я лежу, прохлаждаюсь... Главный врач предлагал мне остаться в госпитале старостой палаты. Я ему: «Вы что? Я ж разведчик, как мне после этого мужикам в глаза смотреть?» А медсестра Ольга говорит: «Вот придурок, вон из пехоты у нас некоторые по полгода лежат в госпитале, и не выгонишь их отсюда...» К слову, только после войны пятнадцатой начинаешь ориентироваться, соображать что к чему.

– Какой-то нелепый случай, связанный с Афганом, можете вспомнить?

– Служил с нами Васька Конопелько из деревни Небытов Хойникского района. Классный парень, никогда не ныл. Он больше всех на войну ходил. Васька был представлен к орденам Красного Знамени и Красной Звезды и к медалям «За отвагу» и «За боевые заслуги». На последней войне он три ранения получил, но выжил. И вот после дембеля возвращается на

родину, поступает на юрфак. Однажды забыл рюкзак в комнате общежития, а дверь уже захлопнул. Решил по простыне спуститься с четвертого этажа на третий. Он худой был, но какие там простыни в общежитиях? Бумага... Короче, разбился наш Васька насмерть...

– И правда, нелепая смерть... Павел, сложно, наверное, было адаптироваться к мирной жизни после дембеля?

Не то слово! Мы там, на войне, нужны были. А домой вернулись и поняли: страна разваливается, никому до нас нет дела. Мы после дембеля в Москву приехали как с другой планеты, там же у нас все побратски было, никаких проблем. А тут стоим в Москве поезда ждем, подходит чувак, говорит, пацаны, у меня брат в Термезе в госпитале, давайте водки принесу, посидим, поговорим. Ну, мы с Ваней Савчуком дали ему 40 рублей на водку. Полчаса прошло, его все нет. «Савва, — спрашиваю, — ты вообще знаешь этого мужика?» Думал, он знакомого в Москве встретил. В общем, киданули нас...

На гражданке мне так погано было, что я замкнулся, улыбаться не мог даже. Тут совсем другой мир: все смеются, пляшут, а там пацаны наши воюют, гибнут. Я как глухонемой был, с девчонками толком не мог разговаривать — о чем с ними говорить? О войне? Так им неинтересно, у них мышление совсем другое. Понадобилось года полтора, чтобы войти в колею. Только когда наши ребята все вместе собирались — это было чудно (*произносит с ударением на "у" — прим, автора*). Да и сейчас, когда встречаемся, — это праздник, у нас дружба на всю жизнь.

– В запой не было желания уйти?

– Еще на службе дал себе зарок: пацаны не допили, буду за них на гражданке бомбить. Выпивал добренно, но на работу при этом ходил, все как положено. Пил до тех пор, пока не прочитал сочинение сына. Мой Андрей написал, что пошел бы со мной в разведку. Ошибок в том сочинении было много, но не это главное. Меня пробило, слеза даже потекла. Сын был тогда в 7-м классе. Я поместил это сочинение в рамку, на стенку повесил и завязал.

– Вы пользуетесь сейчас какими-то льготами, которые полагаются по закону?

– Если бы не спросили, не стал бы говорить. Я редко жалуюсь, но не могу сдержаться. В этом году мне дали путевку в реабилитационный медицинский центр в Витебске для воинов-интернационалистов. Я там лечился усиленно, разные грязевые ванны принимал, нервы восстанавливал. Вернулся в Гомель, пошел в поликлинику по улице Котовского больничную закрывать. А мне заводским отделением говорят: «Вам сегодня на работу». «Как на работу? спрашиваю. — Я ж только сегодня приехал, уже два часа. Вы хотите, чтобы мне прогул поставили?» Она с меня билеты требует. Я ей говорю, что никто мне ничего про билеты не говорил, я в прошлый раз ездил, и никаких билетов не требовали. Она стоит на своем, слушать не хочет. Я разозлился, дверями как дал! Еле взял себя в руки, пошел к заведующей поликлиникой, та разрешила вопрос за пять минут. Но до этого надо ж было нервы вымотать, все лечение пошло насмарку.

– К слову, насчет нервов. Были ситуации, когда вы не выдерживали обстановки в Афгане и проявляли слабость?

– Был случай, я даже дату запомнил — 8 марта 1986 года. Увидел женщину, которая держит на руках ребенка. У него голова расколота касательной пулей, желтая такая, похожа на яйцо, и внутренности видны. Ребенок еще живой, плачет. Я не выдержал: «Да сколько ж можно?! Всё, не буду воевать, хватит!» Бросил автомат. Мужики подняли его, приносят мне: «Бульба, у тебя дембель скоро. Забери автомат, идиот, иначе дисбат». Этот ребенок у меня до сих пор в голове. Не могу забыть...

– Фильмы про Афган смотрите?

– Особо нет. У меня мечта собрать всех наших. Вот где можно было бы снять настоящее кино! Чтобы не пародия была на войну в Афгане, а настоящий фильм, в котором был бы и смех, и радость, и горе. А то какой-то показухой кормят.

– Война снится?

– Уже нет. Раньше снился сон. Будто едем в Марьину Горку и оттуда в Афган. Просыпался в холодном поту — убьют, не хочу и всё. ..Сейчас уже не снится...

– Как отмечаете день ВДВ?

– В основном собираемся своей компанией. В фонтанах не купаемся, по парку шумно не гуляем в тельняшках. Посидим, повспоминаем и по домам...

– Кстати, в музее видела журнал, в котором значится, что вы представлены к двум орденам Красной Звезды. А вы ни слова об этом...

Я тоже видел эту запись. Знал об этом давно, еще в Афгане. Мы тогда взяли в укрепрайоне духа в плен. Наше отделение представили к медалям, а меня — к ордену Красной Звезды. Но я так ни одной награды не получил. Недошли они до меня...

Беседу вела Наталья ПРИГОДИЧ

Парни из Гомельской области, воевавшие в Афганистане в составе 334-го отдельного отряда спецназначения:

Ашмаров Сергей, Денищенков Владимир, Дурнев Виктор, Жихарев Олег, Калеев Вадим, Капота Игорь — погиб 27.09.1985 г., Конопелько Василий, Коноплич Василий, Крякин Владимир, Курмашев Игорь, Левша Сергей, Лихошапко Виктор, Матох Михаил — погиб 21.04.1985 г., Мисаченко Владимир, Нерус Виктор, Новожилов Алексей, Петриков Игорь, Ракицкий Виталий, Ревяков Владимир, Ржицкий Сергей, Соловьев Александр, Сурма Леонид, Федорцов Павел, Шабетник Виктор, Шидловский Виталий, Шлемин Сергей, Ярош Юрий